

ДОБРЫЙ

ГОСТЬ СТРАНИЦЫ

«К ЗЕМЛЯКАМ — ЗА РУКУ ПОДДЕРЖАТЬСЯ...»

День города, который впервые отметили новосибирцы в минувшее воскресенье, был богат событиями, встречами. Среди гостей праздника был и народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР Евгений Семенович Матвеев. Многие годы Евгений Матвеев остается любимым артистом многочисленной зрительской аудитории. За его творчеством с интересом следят и новосибирцы, которые испытывают к этому актеру особое чувство, считая его своим земляком. Зрители старшего поколения помнят, как блестяще начинался творческая биография Матвеева в «Красном факеле». «Свадьба с приданым», «Вей, ветерок» и другие спектакли с его участием пользовались огромным успехом. Именно эти спектакли во время ленинградских гастролей и решили его дальнейшую актерскую судьбу: его пригла-

сили на работу сразу четыре театра. Матвеев выбрал Малый театр.

Кинематограф дал возможность по-особому раскрыться богатым творческим возможностями актера. Теперь уже новосибирцы могли видеть любимого артиста с экрана. «Поднятая целина», «Родная кровь», «Воскресение», «Смертельный враг», «Цыган», «Сибирячка», «Я, Шаповалов Т. П.», «Судьба», «Особое важное задание», «Емельян Пугачев» — эти и многие другие фильмы с участием Е. Матвеева (или снятые им) хорошо знакомы новосибирским зрителям.

Евгений Матвеев считает Новосибирск родным городом. Потому не раздумывая собрался в эту поездку. Наш разговор состоялся после одной из его творческих встреч со зрителями и стал как бы продолжением того искреннего, открытого диалога, который он вел с земляками.

— Евгений Семенович, одной из картин, принесших вам любовь многочисленной аудитории зрителей, была «Поднятая целина». Кем остается для вас сегодня Нагульнов?

— Нагульнов вошел в мое сознание с юности. Я любил этого человека, еще до конца не разбираясь в его левачских укланах. Я счастлив, что и зритель полюбил моего Нагульнова, но путь к нему (об этом знают немногие) был не простым.

На роль Нагульнова был утвержден прекрасный актер Лукьянов. А меня неожиданно пригласили на роль... Давыдова. И вот репетируем мы сцену с Хитовой-Лущикой, а я никак, извините, не поддаюсь, не соблазняюсь. Потому что не чувствую себя Давыдовым. Я — Нагульнов! Я-то это точно знаю! Набрался смелости, попросил режиссера попробовать меня в роли Нагульнова. Хотя с мечтой, говорю, красиво расстанусь. Всю ночь с художником «искали» портрет героя — ничего не получалось! И горбинка не та, и брови не те, хоть плачь... «Друг мой», — сказал мне утром режиссер, — ты думаешь о вещах столь не главных... Ты сыграй, как он любит мировую революцию.

Две недели я ждал телеграммы, которой студия должна была уведомить меня о результатах съемок. Ждал, ни на что не надеясь... Ну, а что было дальше, — это уже все давно знают. И люблю я своего Нагульнова по сей день. А самое важное, — принял моего Нагульнова сам Михаил Александрович Шолохов.

— Насколько я могу судить о ваших ролях в кино, в основном вы играете положительных героев — людей сильных, цельных. Это стечение обстоятельств или вы сознательно таким образом реализуете в творчестве себя, свое отношение к жизни?

— У каждого художника своя тема складывается индивидуально. Я не думаю, что она как-то придумывается, прорабатывается: сама природа, вся органика творческой личности зовет к чему-то определенному. У меня, я ду-

маю, тяга к добру, красивому вызвана тем в большей мере, что мое детство было невероятно горьким. Много было черных дней, но с годами вспоминалось только хорошее: детское сердце крепко запечатлевает добро, ласку. Может быть, природа моя зовет благодарить человеческую красоту, которая и у зрителя вызывает больше эмоциональных волнений. Повторяю, я тосковал в детстве по прекрасному, и эта тоска позже сформировалась в необходимость находить красоту, выражать ее, волновать ею других. И в жизни, и в искусстве мне дороги герои неоднородные: любящие, ненавидящие, ошибающиеся, но — создающие, утверждающие добро.

Вот и сегодня я опять особенно тоскую по герою. В кино, в литературе последнего времени показано много негативного, такого, о чем годами молчали. Но время выкриков проходит. И сегодня, может быть, еще острее, чем вчера, необходим положительный герой, обладающий нравственным здоровьем.

— Большинство ваших героев как раз и являют собой образец духовного здоровья. Они — борцы, создатели. Но... вместе с тем это и лиричные натуры. Видимо, эти две составляющие ипостаси — героическая и лирическая — как раз и есть то, из чего складывается народный характер? Как вы считаете?

— Нельзя не восхищаться удивительной чертой нашего народа — изначальной добротой, широтой души, нежностью — в сочетании с силой мужества, героизма, терпения. Из жесточайших испытаний войны мы вышли не озлобленными, не очерствевшими, многим многое простили во имя той красоты, доброты. Вообще, видимо, милосердие заложено в нашем народе.

Когда я всматриваюсь в эти высокие народные качества и ищу подтверждения их в людях, хочется и самому быть достойным этой высоты.

— В фильмах, которые вы снимали, помню тех героев, к которым вы тяготеете, есть еще один герой, не столь, возможно, главный, но, видимо, необходимый вам, — музыка. Скажем, в «Судьбе» зау-

чат у вас голоса Анны Герман, Льва Лещенко, Иосифа Кобзона...

— Народ наш песенный, былинный, с душой поэтической (в этом я мог убедиться еще раз, побывав на празднике в Новосибирске). Мелодия в моих картинах — потребность души. Она, как вдох и выдох. Без песни, без музыки кино — это было бы вроде и не про нас. И получается это вроде как само собой, ведь, когда идешь, не задумываясь, какую вначале ногу поставить — левую или правую. Я счастлив, что нашел своего композитора — Евгения Птичкина. Его музыка, яства, звучит и в недавно снятом мной фильме, который новосибирцы смогли посмотреть в эти дни. — «Время сыновей».

— Критики придумали терминологию — «элита рное» кино, «кассовое» кино...

— Элитарное кино? Для меня существует одна элита — мой народ. Для него я хочу снимать фильмы, ему хочу нравиться. Искусство — вещь сложная, но не усложненная. Я не хочу, чтобы на мои картины приходили с карандашом в руках и разгадывали их как ребус. Я не хочу отказываться от простоты — я ее истинным, лучшим пониманием. Да, простота. Но не простецкость. Да, правда. Но не правдоночка... Эти вещи следует различать.

Мне посчастливилось быть делегатом XXVII съезда КПСС от Ворошиловградской парторганизации. И когда я присутствовал на городской партийной конференции, был острожно поражен: как просто, с огромной силой и ясностью говорили шахтеры, металлурги о своих проблемах. Масштаб этих мыслей — огромен, а форма выражения — простая и ясная.

Я против слишком мудреного в искусстве, хотя вовсе не считаю, что все художники должны развиваться так, как я. Каждый должен искать свой путь. Дело не в стиле, не в форме, а в глубине произведения.

— По какому принципу вы, как режиссер, выбираете актеров для своих фильмов?

— Принцип у меня прост: актера выбираю, как жену — по любви. Ну, а если серьез-

но, люблю актеров, которые отдадут всего себя кино. Не люблю пьющих, ленивых, болтливых (как начнет иной рассуждать: «с точки зрения», да «с точки зрения»... Для меня одна точка зрения — работа и по возможности талантливая).

Люблю Юрия Яковлева, Вио Артмане, Ольгу Остроумову, Александра Михайлова, Зинаиду Кириенко и многих других самоотверженных, талантливых актеров.

— Новосибирцы, несмотря на ушедшие годы, продолжают считать вас земляком. А что значат для вас Новосибирск, «Красный факел»?

— Я отвечаю на этот вопрос совершенно искренне: в моей судьбе Новосибирск — одно из прекрасных явлений. «Красный факел» того периода не зря именовали сибирским МХАТом. Михайлов, Северов, Агаронова, Коростынев — это же «могучая кучка» актеров, которую возглавляла Вера Павловна Редлих — человек глубочайшей эрудиции, таланта, такта. Наши спектакли были не просто очередной удачей, а явлением. В коллективе царил поразительное духовное единение, актеры думали лишь об одном: как подняться еще выше в своем мастерстве.

«Красный факел» для меня — школа. И чем старше я становлюсь, тем яснее это осознаю. Той этики театральной, о которой писал Станиславский, нигде позже, кроме «Красного факела», я не встречал.

И не случайно в моем творчестве нередко звучит сибирская тема. Помните фильмы «Сибирячка», «Особое важное задание»?

Вспоминаю Василия Макаровича Шукшина. Как-то мы с ним долгое время не встречались, увиделись — спрашиваю: «Где был?». Отвечает: «Ездили к землякам — за руку поддержать». К землякам — за руку поддержать приехал и я (и не первый раз). Все мы испытываем потребность в подзарядке сердца. А это может произойти только там, где тебе было хорошо, где тебя любят и помнят.

Т. ВЕНЦИМЕРОВА.